

Седакова Полина Кирилловна, студент кафедры «Реклама и связь с общественностью в бизнесе», государственный университет управления, г. Москва

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИНДУСТРИИ БЫСТРОЙ МОДЫ

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена быстрой моды и его воздействия на окружающую среду. Целью работы является комплексный анализ дисбаланса между текущим состоянием индустрии, ориентированной на сверхпотребление, и желаемой моделью устойчивого развития. Методологическую основу составили вторичные исследования российских и зарубежных авторов, статистические материалы международных организаций (UNEP, EPA) и профильных российских ведомств (РЭО, Минприроды). Фокус внимания направлен на специфику формирования экологического следа в Российской Федерации, где сочетается низкий уровень инфраструктуры переработки с ростом запроса на ответственную утилизацию. Отдельное внимание уделено трансформации глобальной и российской регуляторной повестки. Результатом исследования сформированы рекомендации, включающие комплекс мер по внедрению механизмов расширенной ответственности производителей и развитию инфраструктуры отдельного сбора.

The article is devoted to the study of the phenomenon of fast fashion and its impact on the environment. The purpose of the work is to provide a comprehensive analysis of the imbalance between the current state of the overconsumption-oriented industry and the desired model of sustainable development. The methodological framework is based on secondary research by Russian and foreign authors, as well as statistical data from international organizations (UNEP, EPA) and relevant

Russian agencies (REO, Ministry of Natural Resources). The focus is on the specific features of the environmental footprint in the Russian Federation, where there is a combination of a low level of recycling infrastructure and an increasing demand for responsible disposal. Special attention is given to the transformation of the global and Russian regulatory agenda. The study resulted in recommendations that include a set of measures to implement extended producer responsibility mechanisms and develop separate collection infrastructure.

Ключевые слова: *быстрая мода, экологический след, текстильные отходы, расширенная ответственность производителей, циркулярная экономика.*

Keywords: fast fashion, environmental footprint, textile waste, extended producer responsibility, circular economy.

Современная индустрия моды рассматривается не только как сфера самовыражения и культурный феномен, но и как одна из наиболее ресурсоемких отраслей мировой экономики. За два последних десятилетия глобальное производство одежды удвоилось, тогда как средняя продолжительность использования одной вещи сократилась более чем на 36%, вследствие чего была сформирована модель сверхпотребления [3]. Индустрией генерируется 10% глобальных выбросов парниковых газов, что превышает совокупный показатель международных авиаперевозок и морского судоходства [4].

Воздействие отрасли на окружающую среду простирается за пределы непосредственного производства одежды, охватывая полный жизненный цикл продукта — от добычи сырья до утилизации готовых изделий. Процессы производства текстиля сопровождаются выбросами опасных веществ, включая тяжелые металлы и химические красители, которыми загрязняются вода и почва [1].

В ответ на экологические вызовы формируется новая парадигма, базирующаяся на использовании устойчивых материалов, внедрении

рециклинга и популяризации осознанного потребления. К числу ключевых направлений относятся применение органического хлопка, бамбука, лиоцелла и переработанных материалов, а также развитие концепции «второй жизни» одежды через винтажные магазины и платформы ресейла. Достижение реальных изменений требует совместных усилий производителей, потребителей и регуляторов, а также обеспечения доступности устойчивой моды для широких слоёв населения, с тем чтобы экологическая ответственность не оставалась прерогативой премиального сегмента [1].

В современной экономической парадигме индустрия моды квалифицируется как один из основных источников антропогенного воздействия на биосферу. Проблема формулируется через противоречие между устоявшейся моделью сверхпотребления, насаждаемой концепцией быстрой моды, и объективной необходимостью перехода к циркулярной экономике. Желаемое состояние индустрии видится в минимизации отходов, сокращении углеродного следа и внедрении замкнутых циклов производства, однако текущая ситуация демонстрирует принципиально иную динамику [3].

В глобальном масштабе за два последних десятилетия производство одежды удвоилось, при этом среднее количество носок одной вещи снизилось на 36%, что свидетельствует о формировании культуры одноразового потребления [3].

Ежегодно в мире образуется 92 млн тонн текстильных отходов, из которых только 15–20% собирается для повторного использования или переработки [3].

Крупнейшими генераторами текстильных отходов выступают Китай (20 млн тонн ежегодно) и США (17 млн тонн), на которые совокупно приходится около 40% глобального объёма [6]. В Китае доля переработки текстиля достигает 20–25% благодаря государственным программам по созданию перерабатывающих мощностей, в США перерабатывается около 15% от общего объёма [6]. В странах Европейского Союза за счёт внедрения

механизмов расширенной ответственности производителей уровень сбора текстильных отходов достигает 40%, причём во Франции указанный показатель признаётся одним из самых высоких в мире [8].

Текстильной промышленностью производится 10% глобальных выбросов парниковых газов, что превышает совокупный показатель международных авиаперевозок и морского судоходства [4]. Производство синтетических волокон, получаемых из ископаемого топлива, требует значительных энергетических затрат и сопровождается выбросами закиси азота, потенциал глобального потепления которой в 300 раз выше, чем у углекислого газа [4]. Водный след отрасли характеризуется катастрофическими показателями: для производства одних джинсов требуется 7 500 литров воды, что эквивалентно объёму потребления одного человека за семь лет [5]. Хлопчатником, занимающим 2,4% пахотных земель, потребляется 11% пестицидов и 24% инсектицидов, вследствие чего происходит деградация почв и загрязнение водных ресурсов в странах-производителях — Индии, Китае, Узбекистане и Турции [4].

Дополнительным фактором экологического давления выступает микропластиковое загрязнение. При стирке синтетической одежды в мировой океан ежегодно попадает 500 тыс. тонн микропластика, что составляет 35% от первичного загрязнения океанов [4].

Одной стиркой полиэстеровой одежды высвобождается до 700 тыс. микроскопических волокон, которые не улавливаются очистными сооружениями и попадают в пищевые цепи, обнаруживаясь впоследствии в рыбе, морской соли и питьевой воде [4]. Согласно результатам научных исследований, микропластик выявлен в организме 90% обследованных людей [4].

Парадокс быстрой моды заключается в том, что низкая цена конечного продукта не отражает истинных экологических издержек. Стоимость утилизации, очистки воды и компенсации выбросов углерода субсидируется

обществом и будущими поколениями. Исследованием Европейского агентства по окружающей среде демонстрируется, что включение полных экологических издержек в цену одежды привело бы к её удорожанию на 30–50% для сегмента масс-маркета [4].

Описанные глобальные тенденции формируют общий контекст экологического кризиса. Проявление указанных тенденций в каждой стране обладает существенной спецификой.

Ситуация в Российской Федерации характеризуется острой дихотомией между значительным объёмом образования текстильных отходов и крайне ограниченными мощностями по их переработке. Согласно аналитике Российского экологического оператора, в России ежегодно образуется более 2,2 млн тонн текстильных отходов, из которых вторичной переработке подвергается не более 3% [6]. Совокупные мощности по переработке составляют 64 тыс. тонн, вследствие чего формируется 33-кратный разрыв между объёмом образования отходов и объёмом их утилизации [6]. Каждым жителем российского города ежегодно отправляется на свалку 16 кг текстиля — от старой футболки до постельного белья, при этом в структуре твёрдых коммунальных отходов Москвы текстиль занимает до 5% по массе [6].

Инфраструктура сбора остаётся фрагментированной и неравномерно распределённой по территории страны.

При общем количестве в 1729 точек приёма вторсырья их распределение характеризуется критической региональной дифференциацией.

Согласно карте [Recyclemap.ru](https://recyclemap.ru), в Екатеринбурге функционирует 55 точек приёма (1 точка на 28 тыс. человек), в Челябинске — 23 точки (1 точка на 52 тыс. человек), тогда как в Нижнем Тагиле и пригороде с населением 335 тыс. человек точки приёма текстиля отсутствуют [7]. В городах-миллионниках — Самаре, Омске, Волгограде — количество точек приёма не превышает 10–15 на город, вследствие чего отдельный сбор текстиля

становится физически недоступным для большинства населения [7]. Благотворительным фондам, секонд-хендам и религиозным организациям удаётся аккумулировать не более 20 тыс. тонн ежегодно, что составляет менее 1% от общего объёма текстильных отходов в стране [6].

Главой РЭО Денисом Буцаевым констатируется: «Большинство текстильных отходов пока попадает в один контейнер с твердыми коммунальными отходами, и при смешивании с остатками пищи они становятся непригодны для последующей переработки» [6]. Запачканная влажная ткань, пропитанная органическими веществами, утрачивает потребительские свойства и направляется непосредственно на полигон, где при разложении в анаэробных условиях выделяется метан — парниковый газ, активность которого в 28 раз превышает активность углекислого газа [6]. Российскими экологами доказывается, что из-за низкой плотности и высокой степени загрязнённости текстиля его извлечение из общего потока отходов и последующая переработка становятся экономически нецелесообразными без государственной поддержки и создания специализированной инфраструктуры сортировки [6].

Низкий уровень переработки и фрагментарность инфраструктуры сбора делают очевидной невозможность решения проблемы без целенаправленного государственного вмешательства.

Именно по этой причине актуальность проблематики подтверждается формированием принципиально новой регуляторной повестки, в которой текстиль перестаёт быть «периферийным» видом отходов и перемещается в центр внимания законодателей. На международной арене формируется мейнстрим, направленный на юридическое закрепление ответственности производителя за полный жизненный цикл продукта. Европейской комиссией в рамках Стратегии ЕС по устойчивому и циркулярному текстилю анонсировано внедрение цифрового паспорта продукта, которым бренды обязываются раскрывать информацию о происхождении материалов, условиях

производства и возможности переработки. Указанная инициатива направлена на борьбу с гринвошингом и стимулирование спроса на качественные и ремонтпригодные изделия, а также предполагает введение обязательного сбора текстильных отходов во всех странах-членах ЕС с 2025 года [8].

Агентством по охране окружающей среды США в сентябре 2023 года было выделено более 100 млн долларов на модернизацию систем обращения с отходами, что представляет собой крупнейшие инвестиции ЕРА в сферу переработки за последние 30 лет [8]. Дополнительно 25 муниципалитетов получили гранты на сумму свыше 73 млн долларов через программу финансирования инфраструктуры для переработки твердых отходов [8].

Аналитиками Textile Waste Management Market Report 2026 прогнозируется, что глобальный рынок управления текстильными отходами вырастет с 9,25 млрд долларов в 2025 году до 13,87 млрд к 2030 году при среднегодовом темпе роста 8,4% [8]. Во Франции системой расширенной ответственности производителей достигнут уровень сбора 40%, в Великобритании рассматривается её введение с 2027 года [8]. В России дискуссия об ужесточении контроля также выходит на институциональный уровень.

Минприроды России инициировано повышение базовой ставки экологического сбора для товарной группы «одежда и изделия текстильные» до 89 184 рублей за тонну с 2026 года, что в 4,5 раза превышает действующий показатель [9]. Указанная мера, являясь частью механизма расширенной ответственности производителей, призвана стимулировать импортёров и производителей к самостоятельной утилизации либо формированию инфраструктуры сбора. В пояснительной записке к проекту постановления отмечается, что экологический сбор должен выполнять регулирующую, а не фискальную функцию, подталкивая компании к реальной утилизации [9]. Экспертами подчёркивается, что без финансового участия производителей

создание инфраструктуры сбора и переработки текстиля в масштабах страны невозможно, поскольку тарифы для населения не покрывают затрат на организацию раздельного сбора и сортировки сложных многокомпонентных отходов [9].

Параллельно с фискальными мерами развиваются инфраструктурные проекты. В Москве в период с ноября 2025 года по февраль 2026 года был реализован пилотный проект: в Западном административном округе установлено 689 контейнеров для текстиля, оснащённых ультразвуковыми датчиками наполнения, благодаря чему оптимизируется логистика вывоза [10]. За четыре месяца было собрано 170 тонн текстильных отходов, из которых произведена 51 тонна ветоши и более 4,25 млн рабочих перчаток [10]. Оператором «Лидертекс» реализуется проект «Эко-кластер "Зеленая нить"» в Кинешме по производству регенерированной пряжи из смесовых тканей, включающий сортировочный комплекс и мощности по механической переработке [6].

Даже самые прогрессивные национальные системы управления отходами не решают проблему в полном объёме без учёта международного измерения.

География текстильных свалок подчинена жёсткой логике глобального неравенства, которая исследователями характеризуется как «колониализм отходов» [11]. Высокоразвитыми странами (США, государства ЕС, Канада, Австралия), в которых открытое сжигание отходов законодательно запрещено, экспортируются значительные объёмы подержанной одежды в страны с низким уровнем дохода. В странах с низким и средним уровнем дохода около 93% твёрдых коммунальных отходов сжигается или сбрасывается открытым способом, тогда как в развитых странах указанный показатель составляет лишь 2% [11]. Наиболее показательным примером является Гана, ставшая символом глобального текстильного кризиса. В страну с населением 32 млн человек ежегодно импортируется свыше 15 млн единиц подержанной одежды из

Европы и Северной Америки, причём не менее 40% признаётся непригодной к носке и направляется на свалки в районе Агбоглоши [11]. Инфракрасным тестированием показано, что почти 90% указанных вещей изготовлены из синтетики, при сжигании которой выделяются диоксины и фураны [11].

Согласно исследованию, опубликованному в *Environmental Science and Pollution Research*, ежегодно в 137 странах сжигается от 10 до 20 млн тонн текстиля (медианное значение — 15 млн тонн) [11]. Сжиганием полиэстера вносится от 8,3 до 24,6 млн тонн ископаемого CO₂ ежегодно, причём 37% приходится на Южную Азию [11]. При сжигании высвобождаются твёрдые частицы, полициклические ароматические углеводороды и тяжёлые металлы из красителей. Глобальным моделированием *Pew Charitable Trust* демонстрируется, что открытое сжигание составляет 43% выбросов в пластиковой системе с ростом до 59% к 2040 году [11]. В Мали и Бурунди выбросы от сжигания в 5 раз превышают официальные показатели, в Нигерии 13% домохозяйств используют пластик в качестве топлива, в Чаде — более 60% в условиях энергетической бедности [11].

Констатация проблемы, какой бы масштабной она ни была, не снимает вопроса о практических инструментах её смягчения.

Технологическим прогрессом предлагаются инструменты для снижения экологического следа, причём наиболее эффективные результаты достигаются на стыке инноваций и изменения потребительского поведения.

Ключевыми игроками глобального рынка — *Veolia*, *Infinited Fiber*, *Lenzing*, *Worn Again Technologies* — осуществляется смещение фокуса от утилизации по модели «бутылка в волокно» к модели «текстиль в текстиль» (*fiber-to-fiber*), благодаря чему обеспечивается замыкание цикла внутри отрасли [8]. Прорывом 2024 года стало партнёрство *Samsara Eco* с *Lululemon* по выпуску одежды из ферментативно переработанного полиэстера без потери прочности [8]. Шведской *Altor Equity Partners* приобретена компания *Renewcell* для масштабирования переработки хлопка [8]. В России

функционирует не менее 20 предприятий по переработке текстиля (LAUT Group, «ЛидерТекс», «Эталон Пласт») [6]. Российский рынок переработки текстиля сегментирован: около 80% занимает низкомаржинальный даунсайклинг (производство ветоши и ваты), остальное приходится на нишевую специализированную переработку и формирующий сегмент глубокого ресайклинга с высокой добавленной стоимостью [6]. Технологиями химического рециклинга обеспечивается расщепление смесовых тканей на компоненты, однако для этого требуются стабильные потоки отсортированного сырья. В Европе развиваются автоматизированные линии с NIR-спектроскопией мощностью до 10 тонн в час [8].

Даже самые совершенные технологии переработки останутся невостребованными без соответствующего изменения привычек миллионов людей. По этой причине для перехода к циклической экономике критически важным признаётся трансформация потребительского поведения — от культуры одноразового использования к осознанному владению и утилизации. Согласно опросу Российского экологического оператора и МТС AdTech, три четверти россиян (75%) уже участвуют в ресайклинге текстиля [2].

Каждым третьим респондентом предпринимаются попытки продлить срок службы вещей: 45% отдают одежду в ремонт или перешивают, 44% сдают на переработку, 44% перепродают, 34% передают знакомым, 32% — на благотворительность [2]. Наиболее активно вещи на переработку сдают жители Центрального, Уральского и Приволжского федеральных округов, среди поколений лидируют миллениалы (48%) [2]. Несмотря на позитивные сдвиги, в половине случаев (52% опрошенных) одежда по-прежнему попадает в мусорные контейнеры [2]. В РЭО отмечается, что россияне демонстрируют готовность менять привычки, однако для развития системы требуются экономические стимулы и создание крупной инфраструктуры по сбору и переработке текстиля [2]. При этом 62% зумеров признаются, что в погоне за новинками и быстрой модой иногда выбрасывают ненужные вещи [2].

До 80% экологического воздействия продукта определяется на стадии проектирования [3]. Производителями быстрой моды используются смесовые ткани (полиэстер с хлопком), которые не поддаются разделению для переработки. Переход к циркулярному дизайну предполагает использование мономатериалов, модульность и отказ от токсичных красителей [3]. В России дискуссия о циркулярном дизайне только начинается. Использование авиатранспорта для доставки коллекций увеличивает углеродный след в 50–100 раз по сравнению с морским [4]. Россией импортируется 1,2 млн тонн текстиля (2023 год) из Азии [6]. Развитием производства льна (требующего в 5–10 раз меньше воды, чем хлопок) в Ивановской, Костромской и Вологодской областях может быть снижена зависимость от импорта [6].

Авторские рекомендации включают следующие меры. В сфере государственного регулирования производители одежды должны быть принуждены к ответственности за утилизацию выпускаемой продукции через механизм расширенной ответственности производителей: компаниями осуществляется либо самостоятельный сбор и переработка старых вещей, либо уплата экологического сбора.

Указанный сбор предлагается дифференцировать в зависимости от типа ткани (более низкая ставка для мономатериалов, более высокая — для смесовых тканей). Для компаний, использующих не менее 20% переработанного текстиля, могут быть предусмотрены налоговые льготы.

В области инфраструктуры требуется установка специализированных контейнеров для сбора старой одежды во всех городах с населением свыше 100 тыс. человек, создание сортировочных центров (минимум по одному на федеральный округ) и внедрение цифровой системы учёта текстильных отходов. В технологической сфере целесообразно выделение грантов на исследования в области химической переработки смесовых тканей, создание отраслевого консорциума с участием государства, ритейлеров и переработчиков, а также разработка национального стандарта на вторичные

текстильные материалы. В сфере просвещения предлагается включение темы обращения с текстильными отходами в школьные программы, проведение информационных кампаний, создание мобильного приложения с картой пунктов приёма, стимулирование программ лояльности ритейлеров и поддержка небольших мастерских по ремонту вещей.

Таким образом, экологический кризис индустрии быстрой моды представляет собой сложную системную проблему, в которой переплетаются технологические ограничения, провалы рынка, поведенческие стереотипы и глобальное неравенство в распределении отходов. Проведённым анализом демонстрируется, что ни один изолированный инструмент не способен кардинально изменить ситуацию. Только совместным применением предложенного комплекса мер может быть запущена позитивная обратная связь. Для России, где 33-кратный разрыв между объёмом образования отходов и мощностями переработки сочетается с высокой готовностью населения к разделному сбору, указанный переход одновременно является насущной необходимостью и реальным окном возможностей.

Повышением ставок экологического сбора создаётся финансовая база для инвестиций, опытом Москвы демонстрируется эффективность пилотных проектов, технологическими инновациями открываются перспективы для замкнутого цикла. Ключевым условием успеха остаётся синхронизация действий государства, бизнеса и гражданского общества в ближайшие 3–5 лет.

Литература

1. Аминова Д.Ф. Влияние моды на экологию: путь к устойчивости // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. — 2024. — Т. 4. — № 5. — С. 356-360. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mody-na-ekologiyu-put-k-ustoychivosti> (дата обращения 01.03.2026).

2. Российский экологический оператор. Опрос: три четверти россиян продлевают жизнь ненужным вещам: — 08.10.2025. — URL: <https://reo.ru/tpost/r1scfpb4n1-opros-tri-chetverti-rossiyan-prodlevayut> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Ellen MacArthur Foundation. A New Textiles Economy: Redesigning fashion's future : [сайт]. Ellen MacArthur Foundation, 2017. — URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/a-new-textiles-economy> (дата обращения: 01.03.2026).
4. United Nations Environment Programme (UNEP). Fashion's Carbon Footprint. — Nairobi, 2019. — URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/un-alliance-sustainable-fashion-addresses-damage-fast-fashion>
5. Water Footprint Network. Product Gallery: Cotton. — URL: <https://waterfootprint.org> (дата обращения: 01.03.2026).
6. РЭО: на каждого россиянина приходится 16 кг отходов одежды ежегодно // Российский экологический оператор: [сайт]. — 22.02.2024. — URL: <https://reo.ru/news/tpost/ydifkrcas1-reo-na-kazhdogo-rossiyanina-prihoditsya> (дата обращения: 01.03.2026).
7. [Recyclemap.ru](https://recyclemap.ru). Карта пунктов приема вторсырья в России. Статистика охвата за 2025 год. — URL: <https://recyclemap.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Research and Markets. Textile Waste Management Market Report 2026-2035 [Электронный ресурс]. — 2026. — URL: <https://www.researchandmarkets.com> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Минприроды России готовит проект постановления о повышении ставок экологического сбора// Группа компаний Б1 — 11.06.2025. URL: <https://www.b1.ru/insights/law-messenger/environmental-fee-11-june-2025/> (дата обращения: 01.03.2026).

10. Нижегородская правда. В Москве стартовал пилотный проект по созданию системы приёма старого текстиля [Электронный ресурс]. — 2026. — URL: <https://mt.pravda-nn.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Bayramova J. et al. Environmental impact of open burning of textile waste: a global analysis // Environmental Science and Pollution Research. — 2026. — URL: <https://link.springer.com> (дата обращения: 01.03.2026).